

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

ХОЛОДНЫЕ ПРОВОДЫ (памяти Евгения Евтушенко)

Ключевые слова: *классик русской литературы, эмиграция, поэтические чтения.*

Анализируются вехи жизни и творчества поэта Евгения Евтушенко.

Yu.V. Linnik

COLD LEAVE-TAKING (in memory by Evgeniy Evtushenko)

Keywords: *the classic of Russian literature, emigration, poetry readings.*

Some milestones in the life and work of the poet Yevgeny Yevtushenko are analyzed.

Да, подкидывали премии. Да, палок в колёса особо не ставили. Но всё же относились к великому поэту настороженно. Это понятно: он четверть века жил в США – чаял сближения наших стран.

О братании на Эльбе всегда говорил с ликованием. С упованием и надеждой! Мечтал о том, чтобы локальная встреча на европейской реке переросла в глобальную встречу на двух океанах – Тихом и Атлантическом. Не в час! Не в пору! Не ко времени!

Советский и американский солдаты обнимаются во время встречи на Эльбе. Земля Саксония. Третий Рейх. 25 апреля 1945 года.

О похоронах Евгения Александровича говорили в самом конце новостных программ. Как бы подчёркивалась незначительность – третьестепенность – этого события. Очень уважаю космонавта Георгия Гречко. Вначале на экранах шёл пространственный репортаж о прощании с ним, потом – как-то куце и неряшливо – сообщалось о проводах Евгения Александровича. Но космонавтов у нас 121. А Евтушенко –1. Это последний классик русской литературы. Надо было бы провести гражданскую панихиду не в тесном ЦДЛ, а в Колонном Зале Дома Союзов. Опять не ко двору пришёлся Евгений Александрович. И так всю жизнь.

Однажды я спросил его: – *В Талсе ностальгируете по Переделкино?* В точности ответ воспроизвести не могу. Но вот смысл: сегодня тут, завтра там – как на одной улице. Евгений Александрович был космополитом в самом высоком и чистом смысле этого слова. Чем ты *всемирней*, тем ближе к родине: эту парадоксальную зависимость поэт воплощал со всей убедительностью.

Как я понимаю и объясняю его трудоустройство в ненавистной Америке? *Первый фактор* очевиден: по Карлу Марксу – экономический базис. Займёмся компаративистикой. Приплетая к ней своё имя, вовсе не выказываю амбиций – я типичный малый мира сего, пожилой интеллигент, униженный нынешней властью.

Это не сетование – никак не нытьё. Просто констатация факта. Свой сравнительный анализ я хочу привязать к конкретному примеру. Мне его подсказал Антикварный аукцион-17 в ЦДХ.

Иду от галериста к галеристу – и вдруг балдею: оригиналы *Эрте!* То бишь Романа Петровича Тыртова (4.11.1892, Санкт-Петербург – 21.04.1990, Париж). Выставлено с десяток авторских графических листов. Среди них – этот: мой любимый «Стрелец». Из цикла «Зодиак». Цена примерно 114000 р. Ведь не баснословные деньги! Как приобрести для «Полимусейона»? Сравниваю месячные жалования – в рублях, по сегодняшнему курсу, с округлением:

Депутат Госдумы РФ – 800000.

Профессор Евгений Евтушенко в Талсе – 450000.

Профессор Юрий Линник в Петрозаводске – 16000.

Вот так, ребята. Народный избранник может в месяц заработать на семь работ *Эрте*. Мне ради приобретения одной пришлось бы «вкалывать» почти восемь месяцев.

Музей-галерея Евгения Евтушенко в Переделкино.

Евгений Александрович вложил 400000 долларов в свой переделкинский музей. Подарил его любимой стране. Мог бы он это сделать, не пересекая «бугор»?

О *втором факторе* отъезда – ниже: сугубо моя гипотеза. Бог берёт нашего гения! Поначалу довлела проблема выживания. Потом – так мне мнится – начал работать инстинкт самосохранения, понимаемый здесь философски: не как страх за собственную шкуру, а как промыслительное – скорее бессознательное – желание уйти в такую нишу, где можно спокойно работать, осуществляя главное.

Всё-таки дистанция между Оклахомой и Подмосковьем работала наподобие защитной ограды. Нельзя было напрямую ринуться в драку! А ведь Евг. Евтушенко – че-

ловек горячий. Сколько раз в наших Палестинах сожгли бы его чучело? Забросали гнилыми яйцами? Залили зелёной? Убеждённого антифашиста могли и прикончить. Среда для этого – вполне соответствующая.

Марат Тарасов пытался пробить специальную субсидию для своего друга. К президенту обращался. Понапрасну! Не нужен был в России поэт с набатным голосом. Ситуация устраивала обе стороны. И вправду: всё к лучшему.

Сирин и Кентавр. J. Paul Getty Museum, MS. Ludwig XV 3, Folio 78r

Я бы тоже хотел подарить России свой «Полимусейон». Но не просто фонды, что в атмосфере безответственности и вороватости крайне опасно, а целокупно – вместе со зданием. Коли такового не нашлось для меня, то как на него заработать? Была такая возможность: предлагали в Европе серию выставок. Поверил посулам негодных чиновников из Министерства культуры РК: мы всё тут сами устроим. Надули. Аспиды! Локоть не укусишь.

Замечу, что Евгений Александрович болел за меня – приезжая в Карелию, не раз говорил о Полимусейоне с мэрами, губернаторами, министрами культуры. Теперь понимаю бессмысленность этих попыток. Пока власть не станет народной, демократической – будем прозябать. Я – психологически – доселе совок. К тому же врос в северную морену: эмиграция для меня невозможна.

Лучшие умы и таланты нынче широким потоком уходят за рубежи отечества. Это огромная потеря для страны. Это трагедия! Обидно? Кому-то такое положение дел выгодно. Не ропщу. Я счастлив *здесь и сейчас*.

Нет у меня «Стрельца» Романа Тыртова – но есть «Стрелец» Тамары Юфа. Ведь не хуже!

Это обложка к моей книге «Ноктюрн».

В тяжелейших условиях мне удалось много сделать для культуры России.

Кажется, впервые два ошеломительных мастера, работавших в зоне взаимодействия стилей *модерн* и *арт-деко*, сейчас пересеклись в текстовом пространстве – это даёт мне повод продолжить свои сравнения.

В 1989 г. – незадолго до кончины – Романа Тыртова пригласили в Нью-Йорк для оформления двух спектаклей. Его горячим поклонником был – и остаётся доныне – никто иной как Дональд Трамп.

Да, тот самый. Ныне хозяин Белого дома. Какой апофеоз он устроил русскому художнику! Это был праздник – величание – торжество.

Когда у нас умильно строили какие-то надежды в связи с Дональдом Трампом – я хохотал: ну не сможет – ни при какой погоде не сможет – ценитель *Эрте* столкнуться с правителями нынешней России.

De gustibus et coloribus non est disputandum – Там нет рассуждений о вкусах и цветах. Нам привычной сокращённый парафраз: *О вкусах не спорят*. Но сравнивать их совсем не предосудительно. И очень даже полезно.

14 сентября 2016 г. Дмитрию Анатольевичу Медведеву исполнился 51 год. В связи с этой знаменательной датой Владимир Владимирович Путин сделал своему коллеге подарок. Это картина «В цеху» чувашского художника Николая Васильевича Овчинникова (1918–2004). Не вижу тут никакой каверзы: мол, сегодня премьер-министр – а завтра начальник цеха.

Милое внимание! По-человечески это. Николай Овчинников – достойный художник. Конечно же, не выдающийся. Так сказать – *средний*. Ничего обидного в данном определении нет. Многие первостатейные профессионалы работают в рамках устоявшейся традиции. Подчас трудно определить, кто автор – печать индивидуальности или вообще отсутствует, или проявлена очень слабо. Тогда как на Романа Тыртова и Тамару Юфа эта печать положена со всей определённостью – крупно и ярко.

Почему для подарка за выдающиеся заслуги перед отечеством была выбрана именно эта картина? Она вполне отвечает духу социалистического реализма. Тянет в прошлое.

Вот картина Романа Тыртова из коллекции Дональда Трампа. Трудно представить, что нечто подобное В.В. Путин презентует Д.А. Медведеву – некоторый перепад эстетических уровней у двух уважаемых президентов всё же наличествует.

Увы, ни у Тамары Юфа, ни у меня не нашлось щедрого покровителя как в лице государства, так и в лице кого-либо из паразитов-олигархов. Может, и к лучшему – душ своих не запятали.

Сегодня помянули Евгения Александровича. Он хорошо относился к нам. Мысленно переношусь в 2008 г. Тогда произошла блестящая рокировка *Путин–Медведев*. Была сделана *a priori* обречённая на неудачу попытка выдвинуть на пост президента России Владимира Буковского. Его даже в Россию не пустили.

Вот отрывок из беседы с ним – интервьюер Леонид Школьник:

– *За несколько лет до своей смерти в статье «Голубой период Владимира Путина» Валерия Новодворская, светлая ей память, предположила, что именно вы написали такие строчки:*

*Эх, романтика, синий дым,
в Будапеште советские танки.
Много крови и много воды
утекло в подземелье Лубянки...*

Так ли это, и, если так, часто ли и в каких случаях Вы переходите с прозы на поэзию?

– *Нет, это не мои стихи. В наше время говорили, что их автор – поэт Иван Харабаров. Однако сам я Харабарова не знал и точно подтвердить это не могу. Сам я стихов никогда не писал, разве что несколько шуточных или пародийных.*

Писать-то не писал, но поэзию обожал. Это Владимир Константинович организовал знаменитые поэтические чтения у памятника Маяковскому. Я там любил толкаться в студенческую пору. И Евгений Александрович туда заглядывал.

Относительно автора стихов – ошибка. Их написал Юлий Петрович Головатенко (1934–1976). Привожу полный и точный текст:

*Эх, романтика, синий дым,
Обгоревшее сердце Данки...
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье Лубянки.
Эх, романтика, синий дым...
В Будапеште – советские танки.
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье Лубянки.
Эх, романтика, синий дым...
Наши души пошли на портянки.
Сколько крови, сколько воды
Утекло в подземелье Лубянки.*

Это предвещает бессмертное – гениальное – безумно смелое:

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.
Танки идут по соблазнам
жить не во власти штампов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков.
Боже мой, как это гнусно!
Боже – какое паденье!
Танки - по Яну Гусу.
Пушкину и Петефи.*

*Страх – это хамства основа.
Охотнорядские хари,
вы – это помесь Ноздрёва
и человека в футляре.
Совесть и честь вы попрали.
Чудищем едет брюхастым
в танках-футлярах по Праге
страх, бронированный хамством.
Что разбираться в мотивах
моторизованной плётки?
Чуешь, наивный Манилов,
хватку Ноздрёва на глотке?
Танки идут по склепам,
по тем, что ещё не родились.
Чётки чиновничьих скрепок
в гусеницы превратились.
Разве я враг России?
Разве я не счастливым
в танки другие, родные,
тыкался носом сопливым?
Чем же мне жить, как прежде,
если, как будто рубанки,
танки идут по надежде,
что это – родные танки?
Прежде, чем я подохну,
как – мне не важно – прозван,
я обращаюсь к потомку
только с единственной просьбой.
Пусть надо мной – без рыданий –
просто напишут, по правде:
"Русский писатель. Раздавлен
русскими танками в Праге".*

23 августа 1968.

Может, так и надо сделать – на свежей могиле. Теперь – утопическое. Обнадёживающее! О фигуре В.К. Буковского мы впрямую говорили с Евгением Александровичем в 2008 г. А если бы... А если бы Вавило – друг поэтов-скоморохов – взошёл на русский трон? У меня – сослагательное наклонение. А в чудесной былине – изъяснительное:

*Заиграл Вавило во гудоцик,
А во звоньцятый во переладецъ,
А Кузьма з Демьяном прыпосбил:
Загорелось инишьшоё цярьсво
И сгорело с краю и до краю,
Посадили тут Вавилушка на цярьсво.
Он привёз веть тут да свою матеръ.*

Запись А.Д. Григорьева.

Чем Евгений Александрович не Вавило, Кузьма и Демьян в одном лице? Он был и прекрасным поэтом, и прекрасным организатором. Любил широкий размах. Ему бы годика на два вверить Россию! Мы бы сегодня дышали другим воздухом. А мой «Полимусейон» возвышался бы над Онего.

Пустые мечты? Но в подобных грёзах и фантазиях порой намечается реальная канва будущего. Это очень важно для тех исторических моментов, когда народы и страны переживают глубокий кризис, грозящий летальным исходом. Пронесёт!

Поэт в России – больше, чем поэт. Иисус Христос препоручил продолжать свою миссию Святому Духу. А Евгений Александрович – Духу Поэзии.

Впрочем, это одно и то же – прав Аполлон Майков:

*Вдохновенье – дуновенье
Духа Божья!..*

О том, какой силой захвата оно обладает, потрясающе пишет Борис Пастернак:

*Откуда же эта печаль, Диотима?
Каким увереньем прервать забытьё?
По улицам сердца из тьмы нелюдимой!
Дверь настезь! За дружбу, спасенье моё!
И это ли происки Мэри-арфистки,
Что рока игрою ей под руки лёг
И арфой шумит ураган аравийский,
Бессмертья, быть может, последний залог.*

Слышите? Гул этих стихов сегодня стоит над переделкинским кладбищем.

Рецензент статьи: профессор, доктор биол. наук, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН Е.В. Колтунов.